

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЯ ИЗОСЕМИИ В ИЗУЧЕНИИ СИНТАКСИСА И СТИЛЯ ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТОВ

Аннотация

В статье рассматриваются синтаксические и стилистические характеристики изосемических и неизосемических конструкций (ср. *прыгнуть* и *совершить прыжок*) в контексте сопоставления переводов рассказов Эдгара По на русский язык. Результаты исследования показывают, что преобразование одного типа конструкций в другой при переводе сопряжено с изменением семантики текста и его стилистической окраски. Последовательное предпочтение изосемических или неизосемических оборотов (исходно синонимичных) различает два подхода к интерпретации фантастических рассказов Э. По, один из которых ориентирован на воспроизведение «научнообразного» стиля оригинала, а другой – на создание стилистически «облегченного», но живого и увлекательного повествования.

Annotation

The article is focused on syntactic and stylistic differences between isosemous and non-isosemous synonyms (*to punish smb. vs. to inflict punishment on smb.*) used in Russian translations of Edgar Poe's tales. Preferring some type of constructions, translators create two different versions of the original: the one imitating its intellectual, scientific-like manner, the other creating a bit simplified, but captivating narration.

Переводы произведения на другой язык, сосуществующие в литературной среде, представляют необычный материал для изучения грамматики текста, принципов его строения и интерпретации. Выбор переводчиком той или иной синтаксической конструкции из ряда вариантов, которые в системе языка соотносятся как синонимичные, не только воплощает художественный смысл произведения, но и высвечивает семантические потенции каждого типа предложений. Немалый интерес, в частности, представляет употребление изосемических или неизосемических конструкций, близких в денотативном плане, но кардинально различающихся на уровне семантики целого предложения, в

Уржа А.В. Использование понятия изосемии в изучении синтаксиса и стиля переводных текстов // Мир русского слова, №4/2011 с.21-25.

комплексе выражаемых ими смыслов, в их стилистической принадлежности и роли в организации текста.

Понятие изосемии было введено Г. А. Золотовой [Золотова 1982] для характеристики соотношения частеречных и специфических категориальных значений полнозначных слов, влияющего на их синтаксические функции. «По признаку соответствия / несоответствия отображаемого категориального значения слова основному категориальному значению данной части речи, основные подклассы частей речи названы изосемическими, периферийные – неизосемическими. (Например, слова *белый*, *петь* принадлежат изосемическим подклассам прилагательного и глагола, а *белизна*, *пение* – неизосемическому подклассу существительных.) Изосемические подклассы слов образуют и изосемические модели предложений: *Лаборанты испытывают новый прибор. Прибор точен и надежен.* (Ср. с неизосемической конструкцией: *Лаборанты ведут испытания нового прибора. Прибор отличается точностью и надежностью*). Изосемические и неизосемические модели предложений соотносятся как синтаксические синонимы» [Золотова и др. 1998: 108-111]. Умение преобразовывать изосемические обороты в неизосемические, а также правильно использовать их в текстах разных стилей и жанров – важный аспект владения русским языком, осваиваемый иностранными учащимися [Всеволодова 2000: 36-39].

Сопоставляя конструкции этих двух типов в диахроническом плане, ученые прежде всего указывают на их стилистические различия. В. В. Виноградов в книге «Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков» отмечал: «В официально-деловой, научной, публицистической речи часто было существенно стереть или затушевать оттенок индивидуализирующей, нередко фамильярной изобразительности действия, присущий простой форме того или иного глагола» [Виноградов 1982: 451]. Использование таких «описательных» оборотов отчасти

Уржа А.В. Использование понятия изосемии в изучении синтаксиса и стиля переводных текстов // Мир русского слова, №4/2011 с.21-25.

восходило к церковнославянской традиции (*одержать победу, нанести вину, иметь желание* и т.д.), отчасти они «явились кальками западноевропейских фразеологических сочетаний (*принять участие, иметь успех* и т.д.) и усиленно развивались с половины XVIII века». В последней же трети XIX века, когда резко возросла роль «газетно-публицистического и научно-популярного языка» (испытывающего, в свою очередь, заметное влияние «стилей официальной и канцелярской речи»), обороты типа *оказать воздействие, дать оценку, произвести продажу, подвергнуть наказанию* получили широкое распространение в печати и в речи, вплоть до «языка мещанства» [Виноградов 1982: 450]. В середине XX века, в период, по выражению О. Г. Ревзиной, «стагнации официального литературного языка» [Ревзина 2000: 34] употребление таких оборотов в качестве клише, речевых штампов стало массовым. Их неуместное использование в литературе, в том числе и в художественном переводе, отмечали Корней Чуковский и Нора Галь в статьях о «канцелярите» (см. примеры: *забота постоянно держит в напряжении мой ум* [Чуковский 1964], *производился забор выдыхаемого воздуха, его мучили мысли, порожденные состоянием разлуки* и др. [Галь 1975]).

Основой нашего исследования стали результаты сопоставительного анализа вариантов перевода фантастических рассказов Эдгара По на русский язык [Уржа 2009]. Изобилие пассивных конструкций и неизосемических моделей предложений составляет особенность аналитического, «научнообразного» стиля произведений Э. По [Fletcher 1973]. Создатели же многочисленных русских переводов выбирали различные стратегии интерпретации оригинала. Синтаксическое строение ряда вариантов оказалось в значительной степени «облегчено» благодаря заменам неизосемических моделей на изосемические, ср. переводы в центре и в правом столбце таблицы:

<p>As I imagined, the ship proves to be in a current; <i>if that appellation can properly be given to a tide which... thunders on to the southward...</i> (Ms. Found in a Bottle')</p>	<p>Какъ я и предполагаль, корабль находится въ полосѣ теченія – <i>если только это названіе можетъ быть примѣнено</i> къ могучему морскому приливу, который... мчится къ югу... (К. Д. Бальмонт¹, 1911)</p>	<p>Какъ я и предполагаль, корабль захвачень теченіемъ, <i>если можно назвать теченіемъ</i> этотъ стремительно несущійся къ югу потокъ... (Аноним. перевод, изд. «Вестника иностранной литературы», 1912)</p>
<p>Under these circumstances, it is not to be wondered at that a <i>close intimacy arose between the two little captives.</i> ('Hop-Frog')</p>	<p>Неудивительно, что при подобных обстоятельствах <i>между маленькими пленниками завязалась тесная дружба.</i> (В. В. Рогов, 1970)</p>	<p>Неудивительно, что <i>оба пленника сблизились между собой и подружились.</i> (Аноним. перевод в изд. И. Д. Сытина, 1908)</p>
<p><i>The resemblance shall be so striking</i> that the company of masqueraders will take you for real beasts... ('Hop-Frog')</p>	<p><i>Сходство будетъ такъ поразительно,</i> что всѣ примутъ васъ за настоящихъ обезьянь... (М. А. Энгельгардт, 1914)</p>	<p><i>Вы будете до того похожи,</i> что никто и не подумает, что вы не настоящие обезьяны... (М. Викторов, 1927)</p>
<p><i>In smoking it was a matter of little importance how much was employed.</i> Usually, I had half filled the bowl of the hookah with opium and tobacco cut and mingled intimately, half and half. ('The Oval Portrait')</p>	<p><i>При куреніи было почти безразлично, какое количество употреблялось.</i> Обыкновенно, я наполняль трубку до половины опиумомъ и табакомъ, и перемѣшиваль то и другое – половина на половину. (К. Д. Бальмонт, 1911)</p>	<p><i>Когда куришь, не так важно, сколько взять.</i> Обыкновенно я брал табака и опиума поровну и затем, измельчив и хорошенько перемешав, до половины набивал трубку этой смесью. (Н. Галь, 1976)</p>

Сопоставляя варианты *похожи* – *сходство*, *подружились* – *завязалась дружба*, *если можно назвать* – *если название может быть*

Уржа А.В. Использование понятия изосемии в изучении синтаксиса и стиля переводных текстов // Мир русского слова, №4/2011 с.21-25.

применено, когда куришь — при курении, сколько взять — какое количество употреблялось, мы наблюдаем пары семантически близких слов (словосочетаний), различающихся по морфологическим характеристикам и синтаксическим потенциям. Первый компонент пары — изосемический, второй — неизосемический. Различие сформированных этими компонентами конструкций значительно: примеры в центральном столбце представляют синтаксически и стилистически усложненные, неизосемические образования, дублирующие построение оригинала, варианты в правом столбце упрощают «способ изложения» информации, используя более короткие изосемические предложения и приближаясь к разговорному стилю. Интересно, что выбор той или иной стратегии не был тесно связан с временем создания перевода, при этом, как будет видно из примеров ниже, переводчики последовательно придерживались выбранного подхода.

Анализ таких соотношений, с одной стороны, дает возможность рассмотреть общие и различные черты синтаксических синонимов в составе более крупных текстовых образований, а с другой стороны, позволяет охарактеризовать стиль конкурирующих переводных вариантов.

Обращаясь вначале к плану **синтаксиса текста**, можно отметить, что переводчики, преобразующие неизосемические конструкции в изосемические, одновременно нередко разбивают длинные периоды оригинала, перераспределяют количество предикативных единиц между соседними предложениями, предпочитают специфически русские синтаксические модели (неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные) типологически общим:

<i>..I was, at first, struck with the idea of our being among breakers; so terrific, beyond the wildest</i>	<i>..я был прежде всего поражен мыслью, что вокруг нас свирепствует буря, - так чудовищно было это невообразимое кружение исполинских и гигантских масс океана, в смятение которых мы были втянуты. (Бальмонт)</i>
---	--

<p>imagination, was the whirlpool of mountainous and foaming ocean within which we were engulfed. (E. Poe 'Ms. Found in a Bottle')</p>	<p>..въ первую минуту <i>мнѢ</i> показалось, что мы попали въ сферу прибоя: такъ <i>бѣшено</i> крутились громадныя валы. (Энгельгардт)</p>
	<p>..я сначала <i>решил</i>, что нас <i>бросило</i> на рифы, ибо даже самая буйная фантазия не могла бы представить себе эти <i>огромныя вспененныя буруны, словно стены, вздымавшися ввысь</i>. (Беккер)</p>

Безличные конструкции, подчеркивающие неконтролируемость ситуации, беззащитность человека перед лицом стихии, успешно заменяют в переводах М. Энгельгардта и М. Беккер пассивные конструкции оригинала, тогда как К. Бальмонт (как и в примерах, приведенных выше) тяготеет к страдательным конструкциям даже в том случае, когда речь идет о непосредственно наблюдаемых событиях.

Заметим, что структурные преобразования в этом случае оказались сопряжены с регистровыми. Регистровое построение произведения отражает изменения позиции говорящих в тексте по отношению к сообщаемому [Золотова 1982, Сидорова 2000]. Коммуникативные регистры противопоставлены друг другу по набору признаков, среди которых – степень абстрагированности говорящего от предмета сообщения (непосредственное восприятие, знание и персональная оценка, универсальное обобщение информации). В качестве регистровых показателей выступают прежде всего видо-временные формы глаголов, реализующие значения актуального, расширенного, узуального или гномического времени; референтно/нереферентно употребленные имена, модальные и дейктические средства; лексика с перцептивной, интерпретационной, оценочной, обобщающей семантикой. Ср.: *Вода журчит в ручье* (репродуктивный регистр) / *Ручей впадает в озеро* (информативный регистр) / *Все реки текут* (генеритивный регистр).
Случаи расхождения вариантов перевода в выборе регистра оказываются связаны с предпочтением изосемических или неизосемических

конструкций. Сопоставим варианты фразы, завершающей описание гибели короля-тирана от рук шута в рассказе 'Hop-Frog':

<p><i>Owing to the high combustibility of both the flax and the tar to which it adhered, the dwarf had scarcely made an end of his brief speech before the work of vengeance was complete.</i></p>	<p><i>Ввиду высокой воспламеняемости кудели и дегтя, на который она была наклепена, карлик едва успел закончить свою краткую речь, как месть совершилась.</i> (Рогов)</p>	<p><i>Пенька и смола воспламеняются быстро, и мщение карлика завершилось прежде, чем он успел докончить свои слова.</i> (Энгельгардт)</p>	<p><i>Легко и быстро горели пенька и смола, и месть карлика завершилась, едва он успел договорить свою речь.</i> (Викторов)</p>
--	---	---	---

Вариант В. В. Рогова наиболее точно воспроизводит формальное построение этого пассажа, однако выглядит «тяжеловесным» и инородным, словно отрывок из энциклопедии, вставленный в остросюжетное повествование. Причина этому – в использовании оборота с девербативом (*ввиду высокой воспламеняемости кудели...*), характерного для научных и официально-деловых текстов. В переводе М. А. Энгельгардта вместо него использовано простое предложение, более удобное для восприятия, но сохраняющее значение универсального суждения при помощи средств генеритивного регистра (настоящее расширенное глагола «воспламеняться», нереферентное употребление существительных, обозначающих материалы). В варианте М. Викторова генеритивный регистр заменен на репродуктивный (глагол «гореть» называет наблюдаемое действие, форма прошедшего времени передает процессуальное значение, существительные употреблены референтно). В этом случае читатель, не отвлекаясь, следит за трагическими событиями сюжета. Решение переводчика можно объяснить: действительно, несколько странно выглядит повествователь, излагающий общие сведения из химии в момент кульминации рассказа. Однако выбор «научнообразной» конструкции в оригинале свидетельствует о сознательном применении

такого приема автором. Не только для этого, но и для других рассказов Э. По характерно сочетание увлекательного сюжета со скрупулезным анализом причин и следствий происходящих событий: «..ему ничего не стоило, погрузившись в самое что ни на есть оккультное, сочетать это с какими-нибудь математическими построениями и ссылкой на земное притяжение. Он гордился тем, что у него «все по науке», хотя границы этой науки были безмерно широки» [Grossman 1973: 12].

Говоря в связи с этим о **семантике текста**, нужно отметить, что преобразование неизосемических конструкций нередко сопровождается самовольным упрощением и сокращением текста переводчиками. Вот как изложен в оригинале и переводах предкульминационный момент рассказа ‘Нор-Frog’, когда карлик-шут подцепляет крюком короля и министров, чтобы затем поджечь их.

<p>While they were thus situated, the dwarf, who had followed noiselessly at their heels, inciting them to keep up the commotion, <i>took hold of their own chain at the intersection of the two portions which crossed the circle diametrically, and at right angles. Here, with the rapidity of thought, he inserted the hook from which the chandelier had been wont to depend.</i></p>	<p>Карликъ, слѣдуя за ними по пятамъ и понуждая ихъ поддерживать суматоху, схватилъ цѣпь въ точкѣ пересѣченія двухъ частей, проходившихъ по кругу диаметально, подъ прямымъ угломъ, затѣмъ съ быстротою молніи онъ зацѣпилъ за это мѣсто крюкомъ, на которомъ обыкновенно висѣлъ канделябрь... (Бальмонт)</p>	<p>Лишь только они очутились здѣсь, карликъ съ молніеносной быстротой подцѣпилъ ихъ крюкомъ в томъ мѣстѣ, гдѣ пересѣкались двѣ поперечные цѣпи. (Энгельгардт)</p> <p>В тот же момент Лягушонок зацепил их на крюк (Викторов)</p>
--	---	--

Сопоставляя варианты перевода в правом столбце с оригиналом, мы видим значительные сокращения, которые не могут быть мотивированы трудностями в интерпретации или в грамматическом оформлении отрывка. Причина, по-видимому, такова: переводчики посчитали авторский

Уржа А.В. Использование понятия изосемии в изучении синтаксиса и стиля переводных текстов // Мир русского слова, №4/2011 с.21-25.

комментарий слишком подробным, тяжеловесным, трудным для восприятия – и потому излишним.

Обратимся теперь к **стилистическому эффекту** предпочтения изосемических или неизосемических конструкций в переводах Э. По. Сопоставим варианты отрывка из рассказа «Прыг-Скок», предложенные четырьмя переводчиками в разное время:

Е. Поэ 'Hop-Frog'	<i>The suggestion was at once overruled by the dwarf, who soon convinced the eight, by ocular demonstration, that the hair of such a brute as the orang-outang was much more efficiently represented by flax.</i>
изд. В. Н. Маракуева 1885	<i>... но она (мысль) была сейчас же отвергнута карликомъ, которому удалось очень скоро убѣдить этихъ особъ, что по внѣшнему виду шерсть такого животнаго, какъ орангутангъ, можетъ быть представлена болѣе вѣрно посредствомъ пеньки.</i>
изд. И. Д. Сытина 1908	<i>Но карликъ рѣшительно воспротивился этому предложенію, доказавъ наглядно, что обезьяньи волосы гораздо ближе можно поддѣлать съ помощью льна.</i>
М.Виктор ов 1927	<i>...но карлик не согласился на это и уговорил восьмерку, что пенька лучше всего заменит шерсть орангутанга.</i>
В. В. Рогов 1970	<i>...но предложение было тотчас же отвергнуто карликом, который быстро убедил всех восьмерых посредством наглядной демонстрации, что шерсть такой твари, как орангутанг гораздо более успешно изобразит льняная кудель.</i>

Переводы в издании В. Н. Маракуева и в варианте В. В. Рогова (время их создания разделяет почти сто лет!) неожиданным образом сближаются в выборе стилистических средств: *представлена посредством пеньки, убедил посредством наглядной демонстрации*. Другие два перевода стилистически «облегчены» за счет преобразования неизосемических оборотов и страдательных конструкций. Итак, и среди ранних, и среди поздних переводов Э. По существуют варианты, совершенно различные по стилю. В чем причина этого феномена?

Синтаксис рассказов Э. По вступал, по мнению многих переводчиков, в противоречие с увлекательностью сюжета, замедлял

Уржа А.В. Использование понятия изосемии в изучении синтаксиса и стиля переводных текстов // Мир русского слова, №4/2011 с.21-25.

чтение. Одни, пытаясь упростить, «облегчить» текст, прибегали к изосемическим эквивалентам сложных конструкций оригинала. Другие же пытались воспроизвести необычность, «научнообразность» подлинника. В результате возникли переводы двух типов: одни – «интеллектуально-аналитические», другие – упрощенные, но живые и увлекательные. Какие из них соответствуют оригиналу? На этот вопрос трудно дать однозначный ответ. Во времена Эдгара По его стиль изложения был изысканным и утонченным, усложненным, но не тяжеловесным [Fletcher 1973: 11-20, Ковалев 1977]. Современные американские читатели, безусловно, ощущают историческую дистанцию, отделяющую манеру Э. По от литературных стилей двадцатого века. Переводчики, тяготеющие к усложненным синтаксическим конструкциям, отражают в тексте современное представление об оригинальной манере Э. По, необычной и в значительной степени устаревшей в наши дни. Стилистически «облегченные» переводы приближают «образ автора» к современному читателю, устраняют языковую преграду, препятствующую погружению в захватывающее повествование. Благодаря им рассказы По на русском языке стали доступны для подростков – любителей приключений и детективов (ср: Grossman 1973). Таким образом, оба типа переводов отчасти воплощают авторскую стратегию, используя возможности русского синтаксиса.

Итак, предпочтение конструкций изосемического или неизосемического типа в переводе произведения тесно связано с интерпретацией семантического, синтаксического и стилистического плана текста, сопряжено с особенностями восприятия и воссоздания текстовой стратегии, манеры и, в итоге, «образа автора» в иноязычной культуре.

Литература:

Уржа А.В. Использование понятия изосемии в изучении синтаксиса и стиля переводных текстов // Мир русского слова, №4/2011 с.21-25.

1. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. М., Высшая школа, 1982
2. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М.: Изд. МГУ, 2000
3. Галь Н. Слово живое и мертвое. М.: Книга, 1975
4. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса М.: Наука, 1982
5. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. Изд. МГУ, 1998
6. Ковалев Ю. В. Э. А. По: новеллист и поэт. Эстетика американского романтизма. — М., 1977
7. Ревзина О. Г. Этапы развития русского языка в XIX-XX веках // Русский язык от Пушкина до наших дней. Псков, 2000
8. Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. — М.: Изд. МГУ, 2000
9. Уржа А. В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. – М., 2009
10. Чуковский К. И. Высокое искусство. М.: Искусство, 1964
11. Fletcher Richard M. The Stylistic Development of Edgar Allan Poe. – Mouton, The Hague – Paris, 1973
12. Grossman J. D. Poe in Russia. Jal-Verlag, Wurzburg, 1973.

ⁱ Подробные сведения о русских переводах рассказов Э. По, упоминаемых в статье, можно найти в монографии [Уржа 2009].